

Утро первого учебного дня в Хогвартсе выдалось суматошным. Платформа экспресса, забитая студентами и их родителями, на первый взгляд мало чем отличалась от обычного вокзала — если, конечно, не обращать внимания на сов, кошек и парящие в воздухе сундуки, послушно следующие за своими владельцами.

Прислонившись к колонне, Гарри наблюдал за современным составом, который шел в ногу с магловским прогрессом, и втайне тосковал по той алой громаде старого паровоза, что жила в его памяти. Тот старый поезд, впитавший семь лет его жизни, навсегда исчез, как и его короткая, изломанная юность.

Очнувшись от раздумий, Гарри заметил Сириуса: тот в облике огромного пса носился вокруг него кругами. Оборотень лишь добродушно улыбался, игнорируя немые призывы Гарри о помощи, и позволял псу-крестному вовсе ластиться к мальчику. Гарри подозревал, что Римусу даже нравится эта сцена — он смотрел с неприкрытым удовольствием и толикой ехидного торжества.

Отвернувшись от Люпина, Гарри увидел в толпе Гермиону и Невилла, спешащих к нему.

— Привет, Гарри! Ты так рано, — Гермиона подбежала первой, тяжело дыша. — Сириус, Римус, как вы?

— Да и вы не опоздали. Невилл, а где твои родители и бабушка? Я их сто лет не видел, — Сириус, вернувший себе человеческий облик, вытянулся, пытаясь заглянуть за плечо Лонгботтома. Грусть от скорой разлуки с крестником на миг отступила.

Невилл, чье лицо покраснелось от возбуждения, указал рукой куда-то в гущу толпы:

— Вон там, разговаривают с Уизли. Скоро подойдут. Родители Гермионы тоже там.

— Тогда мы с Римусом пойдем поздороваемся, а вы тащите вещи в вагон. И лучше сразу займите места, скоро здесь будет не протолкнуться, — скомандовал Сириус.

Гарри проследил за его взглядом и вдалеке увидел Артура и Молли. Ему стало болезненно. Он понимал, что уже не сможет быть так близок с семьей Уизли, как раньше. За последние два года виделся с ними несколько раз, но неизменно держался на вежливой дистанции и ни разу не переступил порог Норы. Седьмого сына Уизли больше не существовало. Пожалуй, только с близнецами Гарри еще мог общаться без того горького привкуса вины и отчуждения.

— Гарри, а где Драко? Почему ты один?

Перехватив сундук Гермионы, Гарри отвел взгляд.

— Ждет нас в купе. Сказал, что на платформе слишком тесно. Сами знаете, такая давка «не соответствует великолепию Малфоев».

— О, какая жалость, — Гермиона закатила глаза, не скрывая иронии. — А я бы с удовольствием посмотрела на него в «невеликолепном» виде.

Невилл, вообразив Драко, пытающегося пробиться сквозь толпу первокурсников, невольно улыбнулся. Картина выходила весьма комичной.

Гарри провел друзей в специальный вагон, где располагалось купе Малфоев. Гермиона уселась напротив Драко и ослепительно, почти хищно улыбнулась.

— Драко, почему это не ты встречал нас на платформе? Ты же знаешь, искать тебя в толпе куда проще, чем Гарри. Нам достаточно было просто идти на самый яркий блеск.

— Дорогая Гермиона, — Драко небрежно потянул Гарри к себе, усаживая рядом. Он старался игнорировать мурашки, пробежавшие по спине от ее «царственной» улыбки. — Ты должна понимать, что для Малфоя стоять на перроне в ожидании — это вопиющая безвкусица. К тому же Гарри найти было ничуть не сложнее. Там, где скачет и крутится огромная черная собака, всегда обретается Поттер.

Невилл, вспомнив недавнюю сцену, не выдержал и прыснул. Гарри лишь обреченно вздохнул и закатил глаза, принимая вид мученика. Жизнь в Старом особняке Блэков превратила эти жесты в условный рефлекс — сложно оставаться серьезным, когда твой крестный обладает неисчерпаемым запасом энергии и комизма.

— И всё же, хорошо, что Гарри никто не узнал, иначе нас бы просто зажали в кольцо, — Гермиона посерьезнела. — Когда мы шли, я только и слышала: «Спаситель в этом году поступает», «Кто-нибудь видел Спасителя?». Мне даже пришлось шепнуть родителям, чтобы они были осторожнее в словах. Гарри, дай мне парочку своих фото. Когда я окончательно разорюсь, продам их твоим фанатам.

Драко криво усмехнулся:

— Гермиона, у тебя неплохая деловая хватка, но тебе не хватает масштаба. Продавать нужно наши совместные фото — спрос будет выше, а цену можно задрать до небес. Впрочем, если я выставлю на аукцион твои снимки с прошлого рождественского бала, боюсь, мальчишки всех факультетов перегрызут друг другу глотки.

Гермиона фыркнула, признавая поражение. В словесных дуэлях с Драко она редко выходила победительницей.

— Ладно, сменим тему. Как думаете, куда вас распределят?

— Слизерин. Без вариантов, — отрезал Драко с непоколебимой уверенностью.

— А я бы хотел в Хаффлпафф, — Невилл слегка покраснел. — Говорят, их декан — гений в гербологии. Да и мама твердит, что там народ поспокойнее, никто не будет меня задирать. Папа, конечно, мечтает о Гриффиндоре. Я думал, бабушка тоже будет настаивать, но вчера она сказала, что примет любой мой выбор. Главное — остаться собой.

Друзья удивленно переглянулись. Строгость Старой леди Лонгботтом была легендарной. Должно быть, выздоровление сына и невестки наконец сняло с ее плеч тот непосильный груз ожиданий, который она раньше перекладывала на внука.

— А я мечусь между Рэйвенкло и Гриффиндором, — вздохнула Гермиона. — Изучив «Историю Хогвартса» вдоль и поперек, я склоняюсь к орлам. Там учеба — это как дыхание, естественный процесс. К тому же, если тебе захочется что-то исследовать, любой студент Рэйвенкло с радостью поможет с литературой. А в Гриффиндоре... — Она с сомнением посмотрела на Гарри.

— В Гриффиндоре не бывает тишины, — подтвердил тот с оттенком светлой грусти. — В гостиной вечно шум и гам, спокойно почитать удастся только перед экзаменами. Сириус говорит, что за столетия там ничего не изменилось.

— Тогда я буду изо всех сил проситься в Рэйвенкло. Семь лет без покоя я не выдержу. Гарри, а ты?

Заметив, как напряженно они ждут ответа, Гарри захотелось горько рассмеяться. Он обдумывал это сотни раз. Сириус и Римус твердили одно, Салазар Слизерин — другое, настаивая, что факультет не имеет значения. На самом деле, для Гарри действительно не было разницы. Слизерин не спасет его от судьбы Спасителя. Дамблдор просто будет следить за ним пристальнее, а Волдеморт всё равно придет за его головой. Только если он вдруг станет сквибом, умрет или превратится в нового Темного Лорда, директор, возможно, обратит взор на Невилла — второго мальчика из пророчества.

Гарри молчал слишком долго. Драко видел, как в изумрудных глазах друга на мгновение промелькнула бездна, которую он уже видел раньше. Это не было сомнение — он был охвачен тенью обреченности.

Драко понимал: факультет Гарри — это политический манифест. Если он пойдет в Слизерин, это вызовет бурю. Малфои уже подготовили почву среди своих союзников, но фанатики вроде Лестрейнджей никуда не делись. А Дамблдор... Директор уже назначил Квиррелла профессором, и Гарри снова придется играть роль в его «тренировочном лагере». Одна мысль о том, что Гарри опять придется столкнуться с Волдемортом один на один, вызывала у Драко желание проклясть «старого шмеля» чем-нибудь фатальным.

Почувствовав магические искры, затрепавшие вокруг Драко, Гарри мягко коснулся его плеча, заставляя успокоиться. Он смотрел в окно, провожая взглядом платформу. Его решимость,

казалось бы, твердая как скала, начала давать трещины. Вновь обретенный Драко, Снейп, называющий его по имени, Сириус и Римус — всё это было слишком дорогим, слишком живым. Как он сможет снова шагнуть в пустоту, когда придет время, если сейчас он так отчаянно цепляется за это тепло?

— Гарри, отдохни, — Драко мягко прервал его мысли и притянул к себе, заставляя склонить голову ему на плечо. — Ты поздно лег и рано встал. Я разбужу тебя перед станцией.

Наложив несколько чар тишины и согревающих заклинаний, Драко замер, охраняя сон друга.

— Драко... — Гермиона понизила голос, глядя на Гарри. — Мне не показалось? Когда он смотрел на платформу... в его взгляде была такая безысходность. Настоящее отчаяние. Я видела такое только в кино, но там это игра, а у него... это было по-настоящему.

— Это напомнило мне мои визиты в Мунго, — тихо добавил Невилл. — Когда я смотрю на родителей, а они не узнают меня. Они рядом, они живы, но их нет. Это надежда, которая горчит сильнее яда. Я не знаю, о чем думал Гарри, но у моей бабушки был такой же взгляд.

Драко ничего не ответил, лишь крепче сжал челюсти. Он не хотел слышать эти слова, потому что сам знал правду. С момента их возрождения он видел этот взгляд не раз — Гарри прятался в тени, он был окутан аурой такой глубокой скорби, что даже основатели Хогвартса при упоминании об этом лишь хранили тягостное молчание. Драко хотел кричать, требовать ответов, но безупречные маски Гарри не оставляли ему ни единого шанса пробиться сквозь его броню.

Купе погрузилось в тишину. Шум поезда за дверью казался далеким гулом иного мира.

Когда дверь резко распахнулась, в купе ворвались Блейз Забини и Панси Паркинсон в сопровождении Крэбба и Гойла. Блейз замер на пороге, ошеломленный увиденным: Драко Малфой, отринув всякую аристократическую спесь, сидел, почти обнимая спящего черноволосого мальчика. Платина и вороново крыло переплелись, создавая картину почти интимной близости и защиты.

— Кхм, — Забини тактично кашлянул, понимая, что иначе их просто не заметят.

Драко медленно перевел взгляд на вошедших. Его взгляд все еще оставался холодным, как сталь, после недавних раздумий. Гарри проснулся мгновенно — привычка военных лет не отпускала его даже во сне.

— Блейз, ты простудился? — голос Драко был сухим и резким.

— Да нет... — Забини замялся, чувствуя исходящее от Малфоя раздражение. — Просто поезд гудит как растревоженный улей. Все ищут Гарри Поттера. Наш Спаситель в этом году

поступает, ты не в курсе?

Гарри открыл глаза. На мгновение в его взгляде вспыхнула опасная ледяная ясность, но через секунду она сменилась привычным мягким спокойствием.

— Я и есть Гарри Поттер. Рад познакомиться, мистер Забини, — он протянул руку для рукопожатия, вежливо улыбаясь. — Мисс Паркинсон, здравствуйте. И, полагаю, господа Крэбб и Гойл. Драко часто о вас рассказывал. Простите, что встретил вас в таком виде.

Слизеринцы замерли. Спаситель, которого они себе воображали, не имел ничего общего с этим невысоким, худощавым мальчиком, обладающим пугающе спокойным взглядом. Даже Блейз, мастер светской беседы, на секунду потерял дар речи, вспомнив свои недавние слова.

— Драко, — Забини попытался вернуть себе самообладание, — мог бы и предупредить, что мистер Поттер здесь. А то я выставил себя полным идиотом.

Панси фыркнула, усаживаясь рядом с Гермионой:

— Блейз, брось. Твои «выдающиеся» качества Драко наверняка расписал Гарри еще год назад. Не строй из себя жертву обстоятельств, здесь нет наивных дурачков, которых можно купить твоими сладкими речами.

Разговор потек в более привычном русле, пока дверь снова не распахнулась. На этот раз на пороге стоял рыжий мальчик в поношенной одежде.

— Извините, здесь нет Гарри Поттера? Я обыскал весь поезд.

Рон Уизли.

У Гарри болезненно екнуло сердце. Он мгновенно стал непроницаем, а его взгляд затянуло дымкой, которую никто не смог бы расшифровать. Драко же отреагировал иначе — он смотрел настолько остро и холодно, что по купе физически пронесся холод.

— Я Гарри Поттер, — произнес Гарри прежде, чем Драко успел выхватить палочку.

— Ты правда он?! — Рон шагнул вперед, едва не задев Гарри. Его глаза лихорадочно бегали по лбу мальчика в поисках шрама. — Тот самый Спаситель! Отец говорил, что ты поступаешь, и я наконец-то нашел тебя!

Драко встал, загораживая Гарри собой. Каждое слово рыжего мальчишки, его фамильярность и жадный блеск в глазах заставляли Драко с трудом сдерживать желание стереть эту восторженную мину с его лица.

— Для начала, — голос Малфоя звучал как скрежет ножа по стеклу, — стоило бы представиться. Если каждый встречный будет так бесцеремонно вламываться к Гарри, демонстрируя свое невежество, он возненавидит этот поезд навсегда.

Гарри, стоя за плечом Драко, смотрел на своего бывшего брата и друга. Его охватило странное чувство нереальности. Рон Уизли — человек, который когда-то был для него всем, и человек, который в итоге наставил на него палочку. Все связи были оборваны тем смертельным заклятием. Глядя на него сейчас, Гарри не чувствовал ненависти — только безграничную, выматывающую усталость.

— Я Рон Уизли, — мальчик покраснел до корней волос, но не отступил. — Гарри, я вырос на историях о тебе! Я твой фанат. Мы... мы можем стать друзьями?

Он протянул руку. Ту самую правую руку, в которой когда-то сжимал ивовую палочку с волосом единорога, пустившую в Гарри «Аваду».

— Боюсь, я не давал разрешения называть меня по имени, мистер Уизли, — голос Гарри был ровным, лишённым всяких эмоций. — И мне не нужна слава. Моя мать отдала жизнь за то, чтобы я выжил. Победительница Волдеморта — Лили Эванс, а не я.

Рон замер, его рука повисла в воздухе. Он ожидал чего угодно — скромности, гордости, даже высокомерия, но не этого холодного, отстраненного безразличия. Его лицо сравнялось цветом с волосами. Пробормотав что-то нечленораздельное, он вылетел из купе.

Драко всё еще кипел от ярости. Блейз Забини, обычно такой пронизательный, не мог понять, почему появление какого-то неотесанного мальчишки вызвало у Малфоя такую бурю. Но когда Рон потянулся к Гарри, Драко выглядел так, словно готов был отрубить эту руку на месте.

— Всё в порядке, — Гарри положил руку на плечо Драко, возвращая того в реальность. — Просто досадная случайность.

Разговор в купе возобновился, но прежняя легкость ушла. Блейз чувствовал, что за этим эпизодом стоит нечто гораздо более глубокое, чем просто классовая неприязнь.

Гарри незаметно наложил дезиллюминационные чары на их с Драко руки. Он взял ладонь друга и увидел на ней багровые следы от ногтей — Драко сжимал кулаки так сильно, что едва не пробил кожу. Гарри шепнул исцеляющее заклинание, наблюдая, как исчезают раны. Драко в ответ переплел их пальцы, сжимая ладонь Гарри с такой силой, словно боялся, что тот растворится в воздухе.

— Гарри, держись от него подальше, — прошептал Драко. Его серые глаза горели решимостью. — Я не позволю этому предателю даже дышать в твою сторону. Если он не уймется... он пожалеет, что вообще появился на свет.

Гарри кивнул, не в силах спорить. Он знал: это Слизерин. Если они признали тебя своим, они станут твоим щитом и твоим мечом, не зная пощады к врагам. Тот не спрашивал Драко о том, что случилось после его смерти в прошлой жизни. Он боялся ответов.

Тем временем слухи по поезду разлетались со скоростью пожара. Рон Уизли, оскорбленный до глубины души, не скупился на эпитеты. К тому моменту, когда экспресс приблизился к Хогвартсу, все студенты уже знали: Спаситель предал идеалы света и якшается с Малфоями — бывшими Пожирателями смерти. Битва за репутацию Гарри Поттера началась еще до того, как он переступил порог Большого зала.

<http://bllate.org/book/17565/1702558>